

Научная статья
УДК 343.9

Методика применения технологий искусственного интеллекта в криминологическом анализе (на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере)

Елена Вячеславовна Латышева, соискатель

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Санкт-Петербург (191014, Литейный пр-т, д. 44), Российская Федерация
egjohns@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-4402-5126>

Аннотация:

Введение. В условиях цифровизации всех сфер деятельности, увеличения массива неструктурированной информации возникает необходимость обновления отдельных элементов методологии криминологической науки. Новые возможности, связанные с распространением технологий искусственного интеллекта, создают условия для повышения результативности криминологического анализа путем сбора, обработки и систематизации значительных массивов цифровой информации. Искусственный интеллект позволяет осуществить анализ значительно большего объема криминологически значимой информации за единицу времени. Особый потенциал данного инструмента связан с анализом видов преступности, представленных большим эмпирическим объемом (например, насильственная преступность в семейно-бытовой сфере). Целью исследования является разработка и апробация методики использования технологий искусственного интеллекта на примере криминологического анализа данного вида преступности. **Методы.** Исследование выполнено в формате ретроспективного документального анализа. В качестве вспомогательного инструмента для извлечения, структурирования и предварительной обработки данных использовалась генеративная языковая модель ChatGPT компании OpenAI на базе языковой модели семейства GPT-5.4 при последующей экспертной верификации результатов исследователем. Эмпирическую базу составили 523 судебных решения 2012–2025 гг., отобранные из открытых источников и переведенные в стандартизированную таблицу криминологически значимых признаков. **Результаты.** Апробация методики показала свою работоспособность и научную продуктивность. На основе полученного массива данных сделаны криминологически значимые выводы о насильственной преступности в семейно-бытовой сфере. Подтверждена эффективность использования искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента извлечения, структурирования и первичной обработки криминологически значимых данных. Сделаны выводы о его высокой эвристической и прикладной ценности для криминологического анализа при жестко заданной исследовательской матрице и сохранении определяющей роли исследователя в интерпретации результатов.

Ключевые слова:

цифровизация криминологии, семейно-бытовая преступность, криминологический анализ, судебные решения, искусственный интеллект, ChatGPT

Для цитирования:

Латышева Е. В. Методика применения технологий искусственного интеллекта в криминологическом анализе (на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 3 (111). С. 203–213.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026;
одобрена после рецензирования 01.07.2026;
принята к публикации 25.09.2026.

Статья заняла II место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2026 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

Original article

Methods for applying artificial intelligence technologies in criminological analysis (using the example of violent crime in the domestic sphere)

Elena V. Latysheva, Candidate for an academic degree

Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation
44, Liteiny ave., Saint Petersburg, 191014, Russian Federation
egjohns@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-4402-5126>

Abstract:

Introduction. Against the backdrop of the digitalisation of all spheres of activity and the growing volume of unstructured information, there is a need to update certain elements of the methodology of criminological science. New opportunities arising from the spread of artificial intelligence technologies create the conditions for improving the effectiveness of criminological analysis through the collection, processing and systematisation of large volumes of digital information. Artificial intelligence makes it possible to analyse a significantly larger volume of criminologically relevant information per unit of time. The particular potential of this tool lies in the analysis of types of crime characterised by a large volume of empirical data (for example, domestic violence). The aim of this study is to develop and test a methodology for using artificial intelligence technologies, using the criminological analysis of this type of crime as a case study.

Methods. The study was conducted as a retrospective documentary analysis. OpenAI's ChatGPT generative language model, based on the GPT-5.4 language model family, was used as a supporting tool for extracting, structuring and pre-processing data, with the results subsequently verified by the researcher. The empirical data comprised 523 court rulings from 2012 to 2025, selected from open sources and transcribed into a standardised table of criminologically significant characteristics. **Results.** Testing of the methodology demonstrated its feasibility and scientific value. Based on the dataset obtained, criminologically significant conclusions were drawn regarding violent crime in the domestic sphere. The effectiveness of using artificial intelligence as an auxiliary tool for extracting, structuring and performing initial processing of criminologically significant data has been confirmed. Conclusions have been drawn regarding its high heuristic and practical value for criminological analysis within a strictly defined research framework, whilst maintaining the researcher's decisive role in interpreting the results.

Keywords:

digitalisation of criminology, domestic crime, criminological analysis, court rulings, artificial intelligence, ChatGPT

For citation:

Latysheva E. V. Methods for applying artificial intelligence technologies in criminological analysis (using the example of violent crime in the domestic sphere) // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 3 (111). P. 203–213.

The article was submitted March 30, 2026;
approved after reviewing July 1, 2026;
accepted for publication September 25, 2026.

The article was awarded second place in an international competition for adjuncts and postgraduates for the best scientific article of 2026, held by Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Введение

В эпоху стремительно развивающихся информационных технологий актуальной становится проблема внедрения в криминологическую науку новых методов изучения социально-правовой действительности.

Возможность использования современных технологий искусственного интеллекта для анализа криминологически значимой информации обусловлена его способностью имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами его интеллектуальной деятельности [1, с. 14]. Инновационные технологии обладают большим прикладным потенциалом в криминологическом изучении преступности, установлении ее характерных черт и закономерностей, а также при анализе личности преступника и жертвы.

Анализируя опыт зарубежных стран, следует отметить, что в их правоохранительной деятельности широко распространено использование технологий искусственного интеллекта при прогнозировании оперативной обстановки [2], при рассмотрении вопроса об освобождении под залог, вынесении приговора и условно-досрочном освобождении [3].

Российский законодатель предпринимает определенные шаги к внедрению инноваций в научную среду. Использование в научных исследованиях и разработках искусственного интеллекта как инструмента для выполнения научных и прикладных задач обозначено в качестве одного из основных направлений развития Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹.

Вместе с тем в российской криминологической науке присутствует определенная архаичность методологии и методики исследования, отсутствуют алгоритмы исследовательских операций с использованием новейших информационных технологий, не разработаны критерии оценивания эффективности применения технологий искусственного интеллекта в науке и практике [4, с. 107–108]. Развитие передовых технологий не оказывает существенного влияния на методологическую базу исследований в области криминологии, использование инноваций происходит медленно [5].

Анализ преступности является одним из важнейших этапов реализации криминологического исследования. Он включает в себя изучение определенного массива преступлений, выявление характерных черт и особенностей рассматриваемого вида преступности, а также личности преступника и жертвы путем обработки и изучения источников: материалов уголовных дел, приговоров, судебных и следственных постановлений, материалов проверок, статистической отчетности и т. д. Данный процесс весьма трудоемкий и требует значительных временных и интеллектуальных затрат.

Объемная генеральная совокупность отдельных видов преступности при выборочном исследовании предполагает изучение их достаточного количества с целью обеспечения репрезентативности выборки. К примеру, согласно данным государственной статистики, только в 2025 году в отношении членов семьи совершено 34 146 преступлений против жизни и здоровья². В связи с этим особо актуальной становится проблема обработки большого количества данных, поиск современных средств и методов познания, позволяющих оперативно собирать, обрабатывать и интерпретировать криминологическую информацию.

В целях проведения всестороннего криминологического анализа исследователь вынужден работать не только с традиционными источниками (официальная статистика, материалы уголовных дел, опросов и т. п.), но и с массивами неструктурированных данных, пригодных для машинного извлечения и анализа. Для насильственной преступности в семейно-бытовой сфере характерны отсутствие полноценного статистического учета, высокая латентность, выраженная связь с предшествующими конфликтами, социально-экономическими, виктимологическими и иными факторами. Значительная часть релевантной информации содержится не в унифицированных статистических формах, а в судебных актах, в которых обстоятельства преступления, история предыдущих конфликтов, реакция правоохранительных органов, характеристика семейных отношений описаны фрагментарно и с высокой вариативностью формулировок. Искусственный интеллект в этом случае выступает действенным инструментом первичной структуризации массива данных, который трудно обработать вручную в приемлемые сроки без потери детализации, не заменяя при этом самого исследователя.

Анализ современных исследований по применению искусственного интеллекта в изучении семейно-бытового насилия показывает, что в зарубежных странах наиболее развиты следующие направления: прогнозирование повторных эпизодов насилия [6–10], анализ данных открытых источников и разработка их классификаторов для выявления публикаций о домашнем насилии [11–15], последствия домашнего насилия для психического здоровья [16–18].

В отечественной криминологии семейно-бытовое насилие традиционно анализируется на основе данных официальной статистики и ограниченной по объему и региональному представительству выборке материалов судебной и следственной практики [19, с. 124], данных социологических опросов³ [20, с. 180]. Также проводятся исследования в форме анализа публикационной активности в социальных сетях на предмет отношения к домашнему насилию⁴.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2019. № 41. Ст. 5700.

² Форма 4-ЕГС. Раздел 5. Сведения о преступлениях, совершенных отдельными категориями лиц (по расследованным преступлениям) за 2025 год // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 23.03.2026).

³ См.: Ефимова М. П. Криминологический анализ насилия в сфере семейных отношений: теория и практика противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 291 с.

⁴ См.: Русакова М. М., Александрова А. А., Ткач С., Воробьева П. Д. Исследование сетевой публикационной активности в «Телеграме» по теме домашнего насилия. Санкт-Петербург : Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2025. 132 с.

Такие исследования обладают значительной научной и практической ценностью для выявления характерных черт и особенностей структуры семейно-бытовой преступности, личности преступника и жертвы, роли социально-экономических факторов. Однако процедура получения информации из судебных и следственных актов, как правило, остается неавтоматизированной, без использования машинной обработки, длительной и слабо стандартизированной, и поэтому разработка методики использования искусственного интеллекта в целях расширения эмпирической базы криминологических исследований становится объективной потребностью криминологической науки. Она позволит переводить неструктурированные тексты приговоров в унифицированные данные по заданной исследователем программе без подмены научной интерпретации машинной генерацией.

Целью данной работы является разработка и апробация методики применения технологий искусственного интеллекта для криминологического анализа на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, а также ее реализация в исследовательском цикле «документ → структура данных → аналитика → выводы».

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- определить место искусственного интеллекта в структуре криминологического исследования и ограничения при его использовании;
- сформировать и описать процедуру перевода данных из судебных приговоров в криминологически значимую информацию;
- апробировать процедуру на массиве судебных решений о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере;
- выявить криминологические закономерности посредством полученной информации;
- оценить ограничения, риски и условия корректного применения искусственного интеллекта в подобных исследованиях.

Научная новизна проведенного исследования заключается в разработке практико-ориентированной методики проведения криминологического анализа с использованием искусственного интеллекта в качестве вспомогательной технологии, призванной расширить эмпирическую базу исследования, повысить точность получаемой информации и ускорить процесс ее обработки.

Методы

Исследование проведено в формате ретроспективного документального криминологического анализа судебных актов по результатам рассмотрения уголовных дел о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере.

Для извлечения, структурирования и стандартизации данных из текстов судебных решений использовалась генеративная языковая модель ChatGPT компании OpenAI на базе языковой модели семейства GPT-5.4. Результаты обработки данных подлежали последующей верификации исследователем.

Эмпирическую базу исследования составили судебные акты, размещенные в открытом доступе в электронной базе судебных и нормативных актов «Судакт»⁵ (первичный источник), а также итоговая электронная таблица Excel, сформированная по результатам их анализа (вторичный источник).

Исследовательский процесс включает в себя следующие стадии:

- 1) формирование базы судебных решений, подлежащих анализу;
- 2) разработка таблицы с криминологически значимыми признаками для проведения анализа судебных решений;
- 3) извлечение сведений из текста каждого судебного решения, их стандартизация и представление для заполнения итоговой таблицы с помощью искусственного интеллекта;
- 4) ручная экспертная верификация и коррекция извлеченных данных;
- 5) анализ полученных данных.

Критерием отбора судебных решений стала криминологическая классификация насильственной преступности в семейно-бытовой сфере по объекту преступного посягательства, разработанная в ранее проведенных исследованиях [21]. Судебные акты с учетом этих критериев предварительно отобраны исследователем и сохранены в формате .docx, .pdf, .rtf для последующей загрузки и анализа с помощью технологий искусственного интеллекта.

Критерии анализа установлены исследователем самостоятельно путем определения структуры таблицы, отражающей криминологически значимые признаки:

⁵ Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru>.

– идентификационные данные по делу (наименование суда, вид судебного решения, дата вынесения акта, номер дела, ФИО осужденного (при наличии));

– уголовно-правовые данные о преступлении и наказании (квалификация деяния, степень тяжести содеянного, итоговое наказание, наличие предыдущих судимостей за насильственные преступления, переквалификация содеянного и ее причины);

– социально-демографические характеристики (пол, род занятий, образование подсудимого, наличие детей на иждивении, наличие психических отклонений);

– криминологически значимые обстоятельства (тип семейных отношений; мотив преступления; форма насилия; последствия для жертвы; история предшествующего насилия; длительность конфликта до преступления; наличие обращений жертвы до преступления; реакция правоохранительных органов; планирование преступления; наличие оружия или предметов, используемых в качестве оружия; поведение преступника после преступления; влияние детей на поведение преступника, связь с другими формами девиантного поведения);

– дополнительные признаки (географический и социокультурный контекст, примечание).

Искусственный интеллект выступил в роли инструмента обработки и структурирования данных. Он использовался для анализа информации только по заранее определенной структуре без самостоятельного поиска критериев анализа. Данная установка обеспечивает строгие критерии анализа и минимизирует риск произвольного изменения исследовательской логики.

Процедура взаимодействия с искусственным интеллектом включает следующее:

– исследователь предоставляет генеративной модели судебный акт и шаблон таблицы Excel с заранее заданными криминологическими признаками;

– машинный анализ и извлечение из текста релевантных сведений согласно заданным столбцам таблицы;

– представление результата в формате .csv, пригодном для прямой вставки в таблицу Excel.

Если в тексте отсутствовали необходимые сведения, искусственный интеллект должен был это фиксировать, не подменяя пробелы своими предположениями. Источниками сведений служили помимо установочных сведений показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, письменные документы, отраженные в судебных решениях. В случае неоднозначности формулировок модель ориентирована на дословное отражение сведений из текста.

По результатам обучения генеративной языковой модели рабочая инструкция (промпт) выглядела следующим образом: «Ты – ученый-криминолог, который проводит исследование насильственной преступности в семейно-бытовой сфере. Тебе нужно проанализировать приложенные решения суда строго в соответствии с разработанной мной таблицей Excel. Информацию представь в формате .csv с разделителем „;“. Запрещено пропускать, перемешивать и придумывать новые столбцы. Извлеки из текста только те сведения, которые прямо содержатся в судебном акте. Запрещено использовать вымышленные данные. Если сведения отсутствуют, укажи „нет данных“, если имеется информация об отсутствии факта, укажи „нет“. Соблюдай стиль заполнения таблицы согласно приложенному образцу».

На следующем этапе исследователь проверяет соответствие представленной информации исходному документу, исправляет неточности, восполняет недостающие сведения, которые не смог распознать искусственный интеллект. Только после такой проверки заполненная строка включается в итоговую таблицу.

Важно отметить, что получение результатов анализа судебных актов происходило поэтапно, сериями по несколько документов, что позволяло выявлять неточности заполнения, типичные ошибки и вносить корректировки в инструкцию для анализа (промпт). В результате такого взаимодействия с генеративной моделью выработаны следующие *технологические правила для защиты от искажения данных*:

– анализировать судебные решения строго в соответствии с приложенной таблицей Excel;

– не перемешивать и не создавать новые категории анализа (столбцы);

– соблюдать стиль заполнения согласно приложенному образцу;

– не использовать вымышленные данные в случае их отсутствия, прямо указывать об этом;

– представлять информацию в пригодном для импорта в таблицу Excel формате .csv.

Такая установка выступила методологическим ограничением использования искусственного интеллекта, которое позволило встроить генеративную модель в структуру криминологического исследования, а не подменить его генерацией текста.

Для аналитического этапа проведена унификация и стандартизация данных, информация в заполненных столбцах приведена к однообразному представлению. Наличие информации фиксировалось только при прямом указании в тексте, что снизило риски неточного отражения данных. Искусственный интеллект обеспечил перевод текста в массив данных, однако научное объяснение и интерпретация оставались за исследователем.

Таким образом, искусственный интеллект в данном исследовании является не источником окончательного знания, а промежуточным этапом анализа. Он ускоряет обработку данных, оптимизирует рутинные процессы, но не устраняет необходимость экспертного контроля. Методика построена на активном участии человека в обучении, проверке и совершенствовании работы искусственного интеллекта. Исследователь устанавливает рамки исследования, проверяет результат и интерпретирует выводы.

Результаты

Посредством описанной выше методики путем перевода неструктурированного текста в сопоставимую таблицу признаков проанализировано 523 судебных акта о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере за период с 2012 по 2025 гг. включительно (основной массив включает судебные решения с 2018 по 2025 гг.). Географически исследованием охвачены решения из 74 субъектов Российской Федерации.

Для проверки эффективности разработанной методики проведено контрольное сопоставление временных затрат на анализ судебных решений на выборке из 8 судебных актов различного объема.

При ручном извлечении сведений из судебного решения и их внесении в таблицу Excel среднее время обработки судебного решения составило 13 мин. 34 сек. При использовании генеративной языковой модели среднее время первичного извлечения и структурирования данных составило 1 мин. 23 сек., последующая экспертная проверка и корректировка результата занимали в среднем 2 мин. 29 сек. Совокупное время обработки одного судебного решения с использованием искусственного интеллекта составило 3 мин. 52 сек., что позволило сократить трудозатраты на 72 % по сравнению с ручным способом обработки.

При этом в расчет не включались время разработки исследовательской матрицы, формирование базы судебных решений и итоговая научная интерпретация данных, поскольку данные этапы сохраняют самостоятельный исследовательский характер и не подменяются искусственным интеллектом.

Данный результат имеет положительное методическое значение, поскольку без использования технологий искусственного интеллекта подобный массив информации потребовал бы существенно больше временных затрат по извлечению, фиксированию и унификации данных, особенно с учетом неоднородности формулировок в судебных текстах, различий в стиле их написания. В результате взаимодействия исследователя и искусственного интеллекта построена рабочая процедура, посредством которой судебный акт превращается в строку стандартизированных данных, пригодных для криминологического анализа.

Из 523 судебных решений 62,3 % преступлений совершено мужчинами (326 актов), 37,7 % – женщинами (197 актов). Полученное соотношение показывает, что насильственная преступность в семейно-бытовой сфере представлена не только мужской агрессией в отношении женщин: мужчины также выступают потерпевшими по значительной части дел [22, с. 236]. Вместе с тем агрессия в отношении мужчин часто связана с реакцией на длительный семейно-бытовой конфликт, предшествующее насилие, противоправное или аморальное поведение потерпевшего, что приводит к совершению преступлений в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны (в изученном массиве – 147 судебных актов, или 74,6 % преступлений, совершенных женщинами). Таким образом, женская насильственная преступность в исследованном массиве во многих случаях имеет реактивный, конфликтно-виктимизационный характер.

Также необходимо учитывать, что определенную часть (8 дел, или 1,5 %) составляют преступления, которые могут быть совершены только женщинами (ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ)).

Структура семейных отношений в исследованных судебных решениях оказалась следующей: на долю супругов пришлось 208 актов (39,8 %), на долю сожителей – 175 актов (33,5 %), на отношения между родителями и детьми – 79 актов (15,1 %), на долю бывших супругов – 29 дел (5,5 %). Таким образом, ядро насильственной преступности в семейно-бытовой сфере составляют зарегистрированные или фактические супружеские отношения (73 %), в которых сочетаются близкие личные взаимоотношения, бытовая и финансовая связь, повседневное взаимодействие и конфликтность как результат столкновения интересов и противоречий, возникших при совместном проживании и ведении общего хозяйства, воспитании детей [23, с. 18; 24, с. 30].

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Наибольшее количество от числа изученных судебных актов составляют преступления, предусмотренные ст. 111 УК РФ (226, или 43,2 %), на втором месте следуют убийства (ст. 105 УК РФ) – 96 дел (18,4 %), затем – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) – 58 дел (11,1 %), причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ) – 57 дел (10,9 %), побои (ст. 116¹ УК РФ) – 54 дела (10,3 %), истязание (ст. 117 УК РФ) – 33 дела (6,3 %), причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) – 26 дел (5 %), убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) – 25 дел (4,8 %).

При этом распределение по полу лиц, совершивших преступления, представлено следующим образом:

- по ст. 111 УК РФ: женщины совершили 104 преступления (46 %), мужчины – 122 (54 %);
- по ст. 105 УК РФ: женщины – 41 преступление (42,7 %), мужчины – 55 (57,3 %);
- по ст. 119 УК РФ: женщины – 3 преступления (5,2 %), мужчины – 55 (94,8 %);
- по ст. 112 УК РФ: женщины – 9 преступлений (15,8 %), мужчины – 48 (84,2 %);
- по ст. 116¹ УК РФ: женщины – 2 преступления (3,7 %), мужчины – 52 (96,3 %);
- по ст. 117 УК РФ: женщины – 4 преступления (12,1 %), мужчины – 29 (87,9 %);
- по ст. 115 УК РФ: женщины – 5 преступлений (19,2 %), мужчины – 21 (80,8 %);
- по ст. 107 УК РФ: женщины – 13 преступлений (52 %), мужчины – 12 (48 %).

В большинстве случаев насилие имеет физический характер, его результатом является причинение смерти, вреда здоровью различной степени тяжести, физической боли. Преступления в 66,9 % случаев совершаются с использованием бытовых предметов в качестве оружия – кухонных ножей, топора, кочерги, табурета, шнура и т. п.

Планирование преступлений зафиксировано лишь в 4 % случаев. Подавляющее большинство преступлений совершено ситуативно в ходе бытовой ссоры и конфликта (442 решения, или 84,5 %) на почве личной неприязни (257, или 49,1 %), ревности (157, или 30 %), мести (68, или 13 %). В 33,1 % случаев (173) преступление спровоцировано противоправным или аморальным поведением потерпевшего, 63 % (109) таких преступлений совершено женщинами, 37 % (64) – мужчинами.

Доля алкоголизации преступника в изученных судебных решениях составляет 79,5 %, при этом состояние алкогольного опьянения фиксируется не только у подсудимого, но и у потерпевшего. Наличие психических отклонений и расстройств, в т. ч. связанных с органическими расстройствами личности на фоне злоупотребления алкоголем, установлено только в 9,6 % изученных решений.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько криминологически значимых выводов.

1. Полученный массив информации демонстрирует представленность семейно-бытового насилия широким спектром преступлений от небольшой тяжести до особо тяжких. Превалируют тяжкие и особо тяжкие деяния, семейные конфликты часто достигают высокой степени агрессии и приводят к тяжким последствиям (причинение смерти, тяжкого вреда здоровью и т. п.).

2. В исследованном массиве среди преступлений, совершенных женщинами, значительную долю составляют деяния с тяжкими последствиями (в т. ч. убийства в состоянии аффекта, некавалифицированные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью). Указанное часто связано с реакцией на предшествующее противоправное или аморальное поведение потерпевшего, вызвано длительной виктимизацией. Причинение более тяжких последствий обусловлено использованием женщинами предметов в качестве оружия (186 случаев, или 94,4 % от всех преступлений, совершенных женщинами), в большинстве случаев в ответ на агрессию потерпевшего (154 случая, или 82,8 % от преступлений, совершенных женщинами с использованием предметов в качестве оружия).

3. Семейно-бытовая преступность по своей мотивации является эмоционально обусловленной, в ее основе лежит длительный внутрисемейный конфликт, формирующийся на почве ревности, мести, обиды, унижения.

4. Преступления в семье сопряжены с высокой алкоголизацией, алкоголь выступает катализатором конфликта, снижающим самоконтроль, увеличивающим агрессивную реакцию и вероятность использования подручных предметов в качестве оружия совершения преступления.

5. Совершение насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере не носит заранее продуманный характер, является ситуативным, преступный умысел возникает внезапно в ходе развития конфликта, часто на фоне психоэмоционального напряжения из-за предыдущих внутрисемейных конфликтов, в ходе совместного распития алкогольных напитков и состояния опьянения.

6. Основная масса деяний совершается вменяемыми лицами, которые не имеют психических заболеваний. Такие особенности преступника отмечены в незначительном количестве актов и не являются определяющим криминогенным фактором.

Поскольку целью данной работы является разработка и апробация методики применения технологий искусственного интеллекта для осуществления криминологического анализа на примере насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, подробные содержательные результаты криминологического анализа данного вида преступности будут приведены в последующих исследованиях.

Помимо непосредственно криминологических данных исследование имеет самостоятельный методический результат. В ходе поэтапного взаимодействия исследователя и искусственного интеллекта подтверждена работоспособность разработанного алгоритма анализа судебных решений, что позволило существенно ускорить извлечение данных из судебных актов без потери качества информации. Положительный результат обеспечен точностью и структурированностью поставленной перед искусственным интеллектом задачи и последующей верификацией данных исследователем.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать выводы как о самом предмете исследования, так и о работоспособности методики его изучения.

Исследование подтверждает, что насильственная преступность в семейно-бытовой сфере представляет собой отдельный вид преступности, в основе которого находится особый криминогенный комплекс, сочетающий в себе интимность отношений, эмоциональную зависимость, бытовую обусловленность, высокую степень алкоголизации и виктимизации.

Исследование подтвердило работоспособность и прикладную эффективность использования технологий искусственного интеллекта в изучении преступности. Вместе с тем, положительный результат взаимодействия зависит от четкости и продуманности поставленной исследователем задачи. Использование данной технологии наиболее эффективно в выполнении рутинной работы: извлечение данных из текста, распределение их по фиксированным разделам, соблюдение стилистического однообразия, представление данных в заранее определенном формате, запрет на произвольное заполнение столбцов при отсутствии необходимой информации. Четко поставленная задача позволяет повысить качество анализа, снизить риски неконтролируемой генерации.

Установление жестких границ для искусственного интеллекта призвано избежать случаев, когда алгоритм начинает присваивать лицам риск совершения преступлений, «предсказывать» преступность конкретного человека или подменять профессиональное правосудие. По этой причине международные этические документы об использовании искусственного интеллекта в правосудии настаивают на приоритете фундаментальных прав человека при соблюдении принципов недискриминации, безопасности, прозрачности, беспристрастности, пользовательском контроле⁷.

Научная значимость предложенной методики подтверждается тем, что искусственный интеллект используется как инструмент, позволяющий ускорить обработку значительных массивов текстовой неструктурированной информации. При этом функция интерпретации полученных данных на основе их верификации остается за исследователем. Использование искусственного интеллекта позволяет увеличить объемы анализируемой криминологически значимой информации. Полученные результаты в виде заполненной таблицы Excel дают базу для последующей криминологической обработки исследователем, в т. ч. для их проверки с помощью иных криминологических методов – глубинного интервью, метода экспертных оценок, опросов и т. п.

Вместе с тем, данное исследование имеет ограничение относительно репрезентативности выборки эмпирического материала из открытых источников. В электронной базе судебных и нормативных актов «Судакт» содержится не вся генеральная совокупность судебных решений о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере. В ней могут отсутствовать судебные акты, не опубликованные в открытых источниках, включая отдельные категории дел с ограничением публичного доступа, а также акты, отсутствующие в электронной базе по техническим или организационным причинам.

⁷ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (СЕРЕJ(2018)14) (вместе с «Углубленным исследованием вопроса...», «Видами использования», «Глоссарием», «Контрольным перечнем вопросов...», «Пояснительной запиской») (принята г. Страсбурге 03.12.2018 – 04.12.2018) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека : [электронное издание]. 2021. № 10 (56).

Результаты исследования характеризуют значительный массив опубликованной судебной практики, однако не являются исчерпывающим описанием всей совокупности семейно-бытовых насильственных преступлений. Данное ограничение не снижает методической ценности исследования, поскольку его основной целью является разработка и апробация процедуры перевода неструктурированного судебного текста в стандартизированный массив криминологически значимых данных.

Следует обозначить ограничения исследования, связанные с применением искусственного интеллекта.

1. Тексты судебных актов имеют обезличенный характер, не являются унифицированными по структуре и стилю изложения (например, не всегда отражают информацию о предшествующем насилии, реакции на него правоохранительных органов и т. п.), в связи с чем не вся требуемая криминологически значимая информация может быть отражена по результатам анализа.

2. Часть столбцов анализируемой таблицы требуют включения информации описательного характера, что в последующем затрудняет ее унификацию (например, история предшествующего насилия, поведение преступника после совершения преступления и т. п.).

3. Модель искусственного интеллекта потенциально подвержена риску «галлюцинаций». Например, она способна качественно, без потери информации проанализировать не более трех судебных решений за один запрос; часто не может распознать сведения о назначенном по приговору наказании, если они отражены в текстовой форме. Данные недостатки могут нивелироваться четкой структурой таблицы, запретом на создание новых столбцов и отражение несуществующей информации, а также последующей экспертной проверкой и поэтапной загрузкой решений для анализа. Следовательно, методика надежна при условии постоянного исследовательского контроля.

3 заключение

Проведенное исследование позволило разработать и апробировать методику использования технологий искусственного интеллекта для проведения криминологического анализа насильственной преступности в семейно-бытовой сфере путем поэтапного перевода неструктурированных текстов судебных актов в структурированный массив криминологически значимых признаков при обязательном сохранении заранее заданных исследователем параметров и постоянном экспертном контроле за результатом.

Эмпирическая апробация показала, что разработанная методика работоспособна и научно продуктивна. На основе 523 судебных решений сформированы данные, позволяющие выявить закономерности рассматриваемого вида преступности: преобладание мужчин среди осужденных при заметной доле женщин; концентрация насилия в отношениях супругов и сожителей; доминирование тяжкого вреда здоровью и убийств в структуре наиболее опасных преступных посягательств в семье; высокая значимость личностно-конфликтных мотивов, прежде всего ссор, личной неприязни и ревности; выраженная связь с алкоголизацией и использованием подручных средств как оружия.

Научная ценность проведенного исследования заключается в предоставлении доказательств того, что новейшие технологии могут эффективно использоваться для интеллектуальной обработки источников криминологически значимой информации при заранее заданных параметрах: определение категориального аппарата, таблица признаков, правила ее заполнения и процедура проверки. При этом искусственный интеллект используется для ускорения извлечения, обработки и подготовки данных к анализу.

С практической точки зрения предложенная методика может использоваться в криминологических исследованиях других видов документов: материалов уголовных дел, актов прокурорского реагирования, судебных решений, иных документов, содержащих криминологически значимую информацию. Она особенно перспективна в случаях, когда информация распределена по тексту, а извлечение в ручном режиме крайне трудоемко.

К перспективам развития разработанной методики можно отнести дальнейшую формализацию и унификацию криминологических признаков, создание многоуровневой системы их кодирования в целях более точного и быстрого последующего анализа, формирование этических стандартов использования искусственного интеллекта в криминологических исследованиях. При этом обязательно сохранение базового принципа: окончательная оценка и формирование выводов должны оставаться за исследователем, алгоритм используется только как вспомогательный инструмент анализа.

Список источников

1. Павличенко Н. В. Правовое и организационное обеспечение внедрения технологий искусственного интеллекта в систему МВД России / Искусственный интеллект на службе полиции: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Москва, 27 мая 2021 г. / вступ. ст.: В. Д. Шулика, А. Н. Конев, В. В. Агеев. Москва : Академия управления МВД России, 2021. С. 13–19.
2. Pruss D. [et al.]. Prediction and Punishment: Critical Report on Carceral AI. SSRN, 2024. 36 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5017321. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5017321>
3. McKay C. Predicting Risk in Criminal Procedure: Actuarial Tools, Algorithms, AI and Judicial Decision-Making // Current Issues in Criminal Justice. 2019. Vol. 32, № 5. P. 1–18. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3494076>
4. Ильницкий А. С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 105–111. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-105-111>
5. Serebrennikova A. V., Serebrennikova M. S. Criminological innovations in criminality prevention: status and perspectives // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, Kaliningrad, December 11, 2020. Kaliningrad : EDPSciences, 2021. Vol. 108. P. 03002. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110803002>. EDN UAYBAJ
6. Hsieh T. C. [et al.]. Measuring the Unmeasurable –A Study of Domestic Violence Risk Prediction and Management // Journal of Technology in Human Services. 2018. Vol. 36, № 1. P. 56–68. <https://doi.org/10.1080/15228835.2017.1417953>
7. Rodriguez-Rodriguez I. [et al.]. Modeling and Forecasting Gender-Based Violence through Machine Learning Techniques // Applied Sciences. 2020. Vol. 22, № 10. P. 8244. <https://doi.org/10.3390/app10228244>
8. Wijenayake S., Graham T., Christen P. A Decision Tree Approach to Predicting Recidivism in Domestic Violence // Ganji M. [et al.] (eds.). Trends and Applications in Knowledge Discovery and Data Mining. Springer, Cham. 2018. Vol. 11154. P. 3–15. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04503-6_1
9. Berk R. A., Sorenson S. B., Barnes G. Forecasting Domestic Violence: A Machine Learning Approach to Help Inform Arraignment Decisions // Journal of Empirical Legal Studies. 2016. Vol. 13, is. 1. P. 94–115. <https://doi.org/10.1111/jels.12098>
10. Amrit C. [et al.]. Identifying child abuse through text mining and machine learning // Expert systems with applications. 2017. Vol. 88. P. 402–418. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2017.06.035>
11. Schrading N. [et al.]. An analysis of domestic abuse discourse on reddit // Conference: Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, Lisbon, Portugal, September 17–21, 2015. P. 2577–2583. <https://doi.org/10.18653/v1/D15-1309>
12. Subramani S. [et al.]. Domestic violence crisis identification from facebook posts based on deep learning // IEEE access. 2018. Vol. 6. P. 54075–54085. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2871446>
13. Subramani S. [et al.]. Deep Learning for Multi-Class Identification from Domestic Violence Online Posts // IEEE access. 2019. Vol. 7. P. 46210–46224. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2908827>
14. Subramani S., Vu H. Q., Wang H. Intent classification using feature sets for domestic violence discourse on social media // Conference: 4th Asia-Pacific World Congress on Computer Science and Engineering (APWC on CSE). 2017. P. 129–136. <https://doi.org/10.1109/APWCConCSE.2017.00030>
15. Xue J., Chen J., Gelles R. Using data mining techniques to examine domestic violence topics on Twitter // Violence and gender. 2019. Vol. 6. № 2. P. 105–114. <https://doi.org/10.1089/vio.2017.0066>
16. Karystianis G. [et al.]. Prevalence of Mental Illnesses in Domestic Violence Police Records: Text Mining Study // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, № 12. P. e23725. <https://doi.org/10.2196/23725>
17. Liu M. [et al.]. Using Social Media to Explore the Consequences of Domestic Violence on Mental Health // Journal of Interpersonal Violence. 2018. Vol. 36, № 3–4. P. 1965–1985. <https://doi.org/10.1177/0886260518757756>
18. Hui V., Constantino R. E. The association between life satisfaction, emotional support, and perceived health among women who experienced intimate partner violence (IPV) –2007 behavioral risk factor surveillance system // BMC Public Health. 2021. Vol. 21, № 1. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10665-4>
19. Паашев Х. П. Преступность в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Алтай и в отдельных субъектах Российской Федерации в Сибирском федеральном округе: показатели, правовые и организационные меры противодействия: монография. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2017. 316 с.
20. Золотухин С. Н. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений : монография. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. 196 с.
21. Латышева Е. В. О преступлениях, входящих в объем насильственной преступности в семейно-бытовой сфере // КриминалистЪ. 2025. № 4 (53). С. 78–85.
22. Щепельков В. Ф., Савин С. Д., Тимошина Е. М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 232–244. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(3\).232-244](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244)
23. Кириллов М. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения в семейно-бытовых и досуговых отношениях: монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2010. 298 с.
24. Варыгин А. Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 30–34.

References

1. Pavlichenko N. V. Pravovoe i organizacionnoe obespechenie vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sistemu MVD Rossii / Iskustvennyj intellekt na sluzhbe policii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 27 maya 2021 g. / vstup. st.: V. D. Shulika, A. N. Konev, V. V. Ageev. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. S. 13–19.
2. Pruss D. [et al.]. Prediction and Punishment: Critical Report on Carceral AI. SSRN, 2024. 36 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5017321. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5017321>
3. McKay C. Predicting Risk in Criminal Procedure: Actuarial Tools, Algorithms, AI and Judicial Decision-Making // Current Issues in Criminal Justice. 2019. Vol. 32, № 5. P. 1–18. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3494076>

4. Il'nickij A. S. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v kriminologicheskoy nauke i preduprezhdenii prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 7. S. 105–111. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-105-111>
5. Serebrennikova A. V., Serebrennikova M. S. Criminological innovations in criminality prevention: status and perspectives // SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium", Kaliningrad, December 11, 2020. Kaliningrad : EDPsciences, 2021. Vol. 108. P. 03002. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110803002>. EDN UAYBAJ
6. Hsieh T. C. [et al.]. Measuring the Unmeasurable – A Study of Domestic Violence Risk Prediction and Management // Journal of Technology in Human Services. 2018. Vol. 36, № 1. P. 56–68. <https://doi.org/10.1080/15228835.2017.1417953>
7. Rodríguez-Rodríguez I. [et al.]. Modeling and Forecasting Gender-Based Violence through Machine Learning Techniques // Applied Sciences. 2020. Vol. 22, № 10. P. 8244. <https://doi.org/10.3390/app10228244>
8. Wijenayake S., Graham T., Christen P. A Decision Tree Approach to Predicting Recidivism in Domestic Violence // Ganji M. [et al.] (eds.). Trends and Applications in Knowledge Discovery and Data Mining. Springer, Cham. 2018. Vol. 11154. P. 3–15. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04503-6_1
9. Berk R. A., Sorenson S. B., Barnes G. Forecasting Domestic Violence: A Machine Learning Approach to Help Inform Arraignment Decisions // Journal of Empirical Legal Studies. 2016. Vol. 13, is. 1. P. 94–115. <https://doi.org/10.1111/jels.12098>
10. Amrit C. [et al.]. Identifying child abuse through text mining and machine learning // Expert systems with applications. 2017. Vol. 88. P. 402–418. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2017.06.035>
11. Schrading N. [et al.]. An analysis of domestic abuse discourse on reddit // Conference: Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, Lisbon, Portugal, September 17–21, 2015. P. 2577–2583. <https://doi.org/10.18653/v1/D15-1309>
12. Subramani S. [et al.]. Domestic violence crisis identification from facebook posts based on deep learning // IEEE access. 2018. Vol. 6. P. 54075–54085. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2871446>
13. Subramani S. [et al.]. Deep Learning for Multi-Class Identification from Domestic Violence Online Posts // IEEE access. 2019. Vol. 7. P. 46210–46224. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2908827>
14. Subramani S., Vu H. Q., Wang H. Intent classification using feature sets for domestic violence discourse on social media // Conference: 4th Asia-Pacific World Congress on Computer Science and Engineering (APWC on CSE). 2017. P. 129–136. <https://doi.org/10.1109/APWCConCSE.2017.00030>
15. Xue J., Chen J., Gelles R. Using data mining techniques to examine domestic violence topics on Twitter // Violence and gender. 2019. Vol. 6, № 2. P. 105–114. <https://doi.org/10.1089/vio.2017.0066>
16. Karystianis G. [et al.]. Prevalence of Mental Illnesses in Domestic Violence Police Records: Text Mining Study // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, № 12. P. e23725. <https://doi.org/10.2196/23725>
17. Liu M. [et al.]. Using Social Media to Explore the Consequences of Domestic Violence on Mental Health // Journal of Interpersonal Violence. 2018. Vol. 36, № 3–4. P. 1965–1985. <https://doi.org/10.1177/0886260518757756>
18. Hui V., Constantino R. E. The association between life satisfaction, emotional support, and perceived health among women who experienced intimate partner violence (IPV) – 2007 behavioral risk factor surveillance system // BMC Public Health. 2021. Vol. 21, № 1. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10665-4>
19. Pashaev H. P. Prestupnost' v sfere semejno-bytovykh otnoshenij v Respublike Altaj i v otдел'nykh sub'ektakh Rossijskoj Federacii v Sibirskom federal'nom okruge: pokazateli, pravovye i organizacionnye mery protivodejstviya: monografiya. Gorno-Altajsk : Gorno-Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2017. 316 c.
20. Zolotuhin S. N. Kriminal'noe nasilie v sfere semejno-bytovykh otnoshenij : monografiya. Chelyabinsk : Biblioteka A. Millera, 2019. 196 s.
21. Latysheva E. V. O prestupleniyah, vkhodyashchih v ob'em nasil'stvennoj prestupnosti v semejno-bytovoj sfere // Kriminalist". 2025. № 4 (53). S. 78–85.
22. Shchepel'kov V. F., Savin S. D., Timoshina E. M. Domashnee nasilie v Rossijskoj Federacii (sostoyanie, problemy kriminologicheskoy ocenki) // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. T. 18, № 3. S. 232–244. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18\(3\).232-244](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244)
23. Kirillov M. A. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemykh v sostoyanii narkoticheskogo op'yaniya v semejno-bytovykh i dosugovykh otnosheniyah: monografiya. Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2010. 298 s.
24. Varygin A. N. Osobennosti semejno-bytovykh prestuplenij i ih preduprezhdeniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 3 (17). S. 30–34.